

*Моей жене Тате –
с любовью и благодарностью*

* * *

Забавны с реальностью наши контакты
в любые текущие дни:
легенды и мифы нужнее, чем факты, —
понятней и ярче они.

* * *

Смотрю я, горестно балдея,
как мир на самом деле прост:
заплесневевшая идея
идёт из кучи хлама в рост.

* * *

Увы, но он никак не обнаружился —
тот путь, что вывел нас пожить на свете:
я вовремя спросить не удосужился,
а нынче уже некому ответить.

* * *

Убога поздней старости тюрьма
и горестна её неодолимость:
любое напряжение ума
родит во мне дремучую сонливость.

* * *

Читаю разных типов откровение,
мне делается пакостно и грустно:
публичное общественное мнение
сейчас публичным домом пахнет густо.

* * *

Законы, правила, традиции
и нормы всех иных краёв
намного мельче интуиции
больших привластных холуёв.

* * *

Оставив будней суету,
понять пытаюсь Божью волю;
следы уводят в пустоту
и властно манят к алкоголю.

* * *

В моём сегодняшнем уюте,
как камень, вложенный в пращу,
есть чувство близости к минуте,
когда я душу отпускаю.

ПОСЛЕДНИЙ ИЕРУСАЛИМСКИЙ ДНЕВНИК

---

* * *

Пока мы есть сейчас и здесь
внутри безумного пространства,
смешны напыщенность и спесь,
высокомерие и чванство.

* * *

Вся цель моих мыслительных потуг,
попыток и усилий долгих лет —
понять, пускай отчасти и не вдруг,
зачем явился я на белый свет.

* * *

Нельзя не выразить сочувствия,
а также честь я воздаю
тем, чьё отсутствие присутствия
так освежает жизнь мою.

* * *

Прошлое не стоит ворошить,
пусть оно висит, уже неясное,
ибо из былого можно сшить
нечто, настоящему опасное.

* * *

Я спорю деликатно и тактично,
я душу не поганю грубой шуткой;
а то, что я ругаюсь неприлично —
так это от застенчивости жуткой.

* * *

А время так необратимо
и так безжалостно оно,
что выпивать необходимо,
чтоб жить с эпохой заодно.

* * *

Мои тюремные союзники —
а с ними крепко я дружил,
мне вряд ли были бы союзники
в том, чем я тайно дорожил.

* * *

Он так лучился и блистал —
влюблялись даже зеркала,
пока какая-то глиста
его к рукам не прибрала.

ПОСЛЕДНИЙ ИЕРУСАЛИМСКИЙ ДНЕВНИК

---

* * *

Я слабо верю в коллектив,
хотя уютней в общих кучах,
но там рождается актив
людей совсем не самых лучших.

* * *

Да, я изрядно толстокож,
но видя мрази единение,
я ощущаю в нервах дрожь
и частое сердцебиение.

* * *

Забавно, что в последние года
взамен благоговения и страха
мне в голову приходит ерунда,
лишённая и смысла, и размаха.

* * *

Переплетение ветвей
чревато соком ядовитым,
и прадед чистый был еврей,
а правнук стал антисемитом.

* * *

Сколько жить ещё мне суждено,
никому не известно про это;
но всегда интересно кино,
где не знаешь развязку сюжета.

* * *

Тот путь, который выбрал я себе,
он часто подвергался испытанию,
однако подчинялся не судьбе,
а личному душевному метанию.

* * *

Вполне хватало мне ума —
всё понимал я про отечество,
но и по мне прошла чума
сопливой веры в человечество.

* * *

Я много пью хмельного зелья
не только в пользу удовольствия,
не ради краткого веселья,
а для душевного спокойствия.

ПОСЛЕДНИЙ ИЕРУСАЛИМСКИЙ ДНЕВНИК

---

* * *

Ко мне приходят мысли и сентенции;
я мог бы их использовать с успехом,
но я, принадлежа к интеллигенции,
встречаю их сомнением и смехом.

* * *

Давнишняя загадочность России —
висящая над нею благодать,
и как бы в ней таланты ни гасили,
Россия продолжает их рождать.

* * *

Высоких нет во мне горений
насчёт борьбы добра со злом:
наплыв печальных умозрений
лечу я выпивкой и сном.

* * *

Года летят быстрее птичек,
меняя облик наш и мнения;
десяток пагубных привычек
я сохраняю тем не менее.

* * *

Тоска приходит в душу ниоткуда,
порой даже покою вопреки:
надеется позорная паскуда,
что ей легко сдадутся старики.

* * *

Мой узкий мир ничуть не тесен,
живу я в личном окружении,
я тот, кому я интересен
в любом доступном приближении.

* * *

А старость потому порой уныла,
томясь в домашних тапках и халате,
что некая осталась ещё сила,
но не на что и жалко её тратить.

* * *

Почувствовав судьбы благоволение
и жизнь мою угрюмо подытожив,
я рад, что совершил переселение
туда, где никому не нужен тоже.

ПОСЛЕДНИЙ ИЕРУСАЛИМСКИЙ ДНЕВНИК

---

* * *

Приглядываюсь пристально и страстно
к обидному повсюдному явлению:
любых жрецов послушливая паства
весьма подобна овцам, к сожалению.

* * *

Сейчас, когда помимо иллюстраций
читается последняя страница,
смешно уже чему-то удивляться
и вовсе нет резона кипятиться.

* * *

Земного срока на закате
смотрю вокруг без одобрения:
сегодня мир заметно спятил,
рехнулся в нём венец творения.

* * *

Года текут невидимой рекой,
душа томится болью, гневом, жаждой,
невозмутимый внутренний покой
даётся даже старости не каждой.

* * *

Не люблю я возвышенный стиль
с воздеванием глаз и бровей,
мне приятнее благостный штиль
тихих мыслей о жизни моей.

* * *

Пусть не хожу я в синагогу
и не молюсь, поскольку лень,
но говорю я «слава Богу»
довольно часто каждый день.

* * *

Я медленно и трудно созревал,
хоть не плясал под общую чечётку,
а подлинный прошёл я перевал,
когда уже смотрел через решётку.

* * *

Не говорил я это вслух,
но замечал чутьём фактическим:
герои часто любят шлюх
с настроем тоже героическим.

ПОСЛЕДНИЙ ИЕРУСАЛИМСКИЙ ДНЕВНИК

---

* * *

В отличие от гонореи
коронавирус дан от Бога:
религиозные евреи —
большая вирусу подмога.

* * *

Я люблю любого эрудита,
он из наших с хаосом посредников,
в нём избытки знаний ядовито
льются на притихших собеседников.

* * *

Добавляются нам неприятности,
когда к финишу клонит года:
стало больше забот об опрятности,
а у старости с этим беда.

* * *

Не хочется двигаться, лень шевелиться,
исчезло бывшее лихачество;
я по легкомыслию — прежняя птица,
но только бескрылая начисто.

* * *

Участливо глядит на нас Творец,
с печалью и тревогой пополам,
а значит, неминуемый пиздец
ещё покуда слабо светит нам.

* * *

Мы вряд ли замечали б это сами,
но зеркало твердит опять и снова,
что виснут под обоими глазами
мешки от пережитого былого.

* * *

Я из разумных стариков,
за справедливость я не воин,
а Божий мир, увы, таков,
что лишь сочувствия достоин.

* * *

Хотя полно гуманных версий,
что разделять народы — грех,
но всё равно арбуз — не персик,
а сыроежка — не орех.

ПОСЛЕДНИЙ ИЕРУСАЛИМСКИЙ ДНЕВНИК

---

* * *

Бог явно длит моё существование,
надеясь, что к исходу утлых дней
я всё же сочиню повествование
о жизни неприкаянной моей.

* * *

По жизни случаются дни,
когда уже ясно с утра,
что мрачными будут они,
и будет тоски до хера.

* * *

Теперь я тихий долгожитель:
забыв былые приключения,
я лишь сочувствующий зритель
земного умопомрачения.

* * *

Со счастьем очень тесно я знаком:
живу я у жены под каблуком.

* * *

Старость — это горечь угасания
и с ветвей душевных листопад,
и окрестной жизни прикосание
часто раздражает невпопад.

* * *

Бог аккуратно близких всех выкашивал,
а я пока остался срок тянуть...
Сегодня поминал я брата старшего.
Кого ещё успею помянуть?

* * *

Похоже на дыхание чумы
течёт заразы паводок шальной,
так сильно вирус вывихнул умы,
что станет жизнь совсем теперь иной.

* * *

Ночью дух податлив чуду,
всё загадочно на свете,
лунный свет рассеян всюду,
как евреи по планете.

ПОСЛЕДНИЙ ИЕРУСАЛИМСКИЙ ДНЕВНИК

---

* * *

Мир хотя устроен не без блядства,
но повсюду веет благодать,
многому пристойно удивляться,
ничего не стоит осуждать.

* * *

Не известна конечная дата
у таких же, как я, долгожителей,
но теперь я живу борогато
и к себе отношусь уважительней.

* * *

Хвалю кровать я кстати и некстати:
когда-то я на ней любил жену,
а главное — на этой же кровати
когда-нибудь я ноги протяну.

* * *

Отменный был бы я еврей,
весьма трудолюбивый,
но жаль — на дне души моей
живёт подлец ленивый.

* * *

Прохиндей, вымогатель, пройдоха,
слепок желчи, ума и гавна,
рад любому сказать, что эпоха
удручающе ложью полна.

* * *

Я людей нисколько не сужу —
так уж мы устроены, наверно,
я лишь огорчительно гляжу,
как ползёт на мир густая скверна.

* * *

Пускай беснуется толпа,
вопя свои желания,
мне одинокая тропа
нужней для выживания.

* * *

В это время навеки я влип,
в нём живу я и с ним заодно,
а что я — ископаемый тип,
я почувствовал очень давно.

ПОСЛЕДНИЙ ИЕРУСАЛИМСКИЙ ДНЕВНИК

---

* * *

Когда евреи, головы клоня,
благодарят незримого Творца,
то чувство гложет изредка меня,
что я меж них — паршивая овца.

* * *

Не отвлекаясь на подробности,
скажу, что я бы, будь у власти —
пособие по неспособности
платил лентяям разной масти.

* * *

Мы душевно — отнюдь не калеки,
но не стоит сгибаться в поклонах:
дремлет варвар в любом человеке,
а проснуться готов — в миллионах.

* * *

Увядание естественно —
мир безжалостно жесток,
только видеть очень бедственно
усыхающий цветок.

* * *

И был я уязвим со всех сторон,
хоть жил, почти того не замечая,
а нынче я в еврействе растворён,
как сахар в чашке налитого чая.

* * *

Напрасно нас пугает бездна —
в ней очень виды хороши,
туда заглядывать полезно
для укрепления души.

* * *

С валютою не снятся мне мешки,
в достатке я живу, хоть не богато;
оплот моей свободы — те стишки,
которые в тюрьму свели когда-то.

* * *

При жизни в сумасшедшем доме
с его различными акцентами
разумно всё на свете, кроме
серьёзных споров с пациентами.

ПОСЛЕДНИЙ ИЕРУСАЛИМСКИЙ ДНЕВНИК

---

* * *

Пока тупая сила правит миром,
и ложь весьма успешно служит ей,
не надо ждать ни кацам, ни шапирам
ни тихих лет, ни даже светлых дней.

* * *

Я часто про себя пишу неряшливо
и грустен, как весёлая вдова,
мне жалко про себя, такого зряшного,
отыскивать высокие слова.

* * *

Я раньше никогда бы не подумал,
что всё так переменится на свете,
и жизни обаятельного шума
достаточно мне будет в интернете.

* * *

Учусь я у власти умению жить,
завидны апломб и нахальство,
талантом в чужие штаны наложить
всегда отличалось начальство.

* * *

Сегодня говорю я, что всегда,
когда уходят царственные лица:
ещё один ушёл из-под суда,
который непременно состоится.

* * *

Слова — сродни случайному лучу —
приходят без резонов никаких;
стихи я не пишу, а бормочу,
лишь после я записываю их.

* * *

Шёл двадцать первый век уже. Смеркалось.
Такого я не знал ещё дотоле:
весь день во мне угрюмо тлела жалость —
подряд ко всем, кто ссучился в неволе.

* * *

В итоге благодарен я судьбе —
она меня пугала направлением,
а я не упирался с ней в борьбе,
но просто изменял её велениям.

ПОСЛЕДНИЙ ИЕРУСАЛИМСКИЙ ДНЕВНИК

---

* * *

Я жизнь мою не мыслю без того,
что дарит необъятную свободу —
чтоб как бы я не делал ничего,
но черпал из души живую воду.

* * *

Преступному весь век я предан зуду,
и в том давно пора признаться мне:
я мысли крал. И впредь я красть их буду,
и пусть потом в аду гореть в огне.

* * *

Я не храбрюсь, когда ругаюсь матом,
но не боюсь ни бесов, ни скотов;
готов я к пораженьям и утратам
и к разочарованиям готов.

* * *

Мне не дано сердечный перестук
дарить стиху, лепя его истоки,
и музыка свиданий и разлук
не вложена в мои скупые строки.

* * *

Глухую подковёрную борьбу
мы вряд ли в состоянии представить,
но проще херу вырасти на лбу,
чем людям добровольно власть оставить.

* * *

В семье, далёкой от народа
родился, рос и думал я:
семья, в которой нет уroda, —
неполноценная семья.

* * *

Мне утреннее тяжело пробуждение —
из памяти теснятся ламентации,
какое это было наслаждение —
мне в молодости утром просыпаться.

* * *

Я нынче тихо бью баклуши,
стишки пустячные пишу,
и с удовольствием на уши
любую вешаю лапшу.

ПОСЛЕДНИЙ ИЕРУСАЛИМСКИЙ ДНЕВНИК

---

* * *

Я не войду в число имён
людей, постигших мира сложность,
но я достаточно умён,
чтоб осознать мою ничтожность.

* * *

Наш мир в рассудке повреждён,
во вред был вирус тихим людям;
когда он будет побеждён,
мы все уже иные будем.

* * *

Друзья уходят, множа некрологи
про ум, великодушие и честь;
слова про них возвышенно убоги —
смеялись бы они, дай им прочесть.

* * *

Я век мой мирно доживал,
уже за то собой доволен,
что не напрасно хлеб жевал
и жаждой славы не был болен.

* * *

Житейской мудрости излишек
при богатейшем нюхом носе
не избавляет нас от шишек,
которые судьба приносит.

* * *

Как было в молодости пылкой,
когда стелился дружбы шёлк,
теперь я с рюмкой и бутылкой
язык общения нашёл.

* * *

За книгами провёл я много дней.
Скорей — годов. Точней — десятилетий.
Но стал ли я от этого умней?
Пока что я такого не заметил.

* * *

Что-то я мучаюсь мыслями стрёмными,
глядя на дразги в курятнике:
светлые силы воюют не с тёмными,
их раздражают соратники.

ПОСЛЕДНИЙ ИЕРУСАЛИМСКИЙ ДНЕВНИК

---

* * *

Все ухватки картёжного шулера
перенял современный прогресс:
превращение лидера в фюрера —
очень лёгкий сегодня процесс.

* * *

С несправедливостью не воин,
но и не делатель её,
я блага свыше удостоен —
влачу пустое бытиё.

* * *

По счастью, я ругался матом,
пороча образа кристалл,
и ничего лауреатом
я из-за этого не стал.

* * *

Дух времени отнюдь не благовонен,
легко любому носу уловить,
что явно есть душок, который склонен
всю атмосферу мира отравить.

* * *

Секрет молчания очень прост,
и это всем понять дано:
внутри у каждого есть хвост,
а он поджат у нас давно.

* * *

В моём весьма почтенном возрасте
текут естественные бедствия,
но вдруг такие вспышки бодрости,
что очень страшно за последствия.

* * *

Стареет цех наш очень фанфаронисто,
читателя волнует и маня,
моё литературное достоинство
теперь важнее мужского для меня.

* * *

Лентяи, я всегда люблюсь ими
и силой их стремления главнейшего;
они изобретательны — во имя
безделья возжеленного дальнейшего.

ПОСЛЕДНИЙ ИЕРУСАЛИМСКИЙ ДНЕВНИК

---

* * *

Такой приключилась эпоха моя,
что грязи в ней были пуды;
вся рыба, которую выудил я,
ловилась из мутной воды.

* * *

Несутся мои старческие дни
с невиданной доселе дикой скоростью —
похоже, занедужили они
какой-то возрастной безумной хворостью.

* * *

Я что-то нынче сильно плох,
так беззащитно слаб сегодня,
что появись орава блох,
и я бы молча руки поднял.

* * *

К потомкам дальним не дотянутся
все сочинения мои,
но всё равно за мной останутся
мотивы грусти и любви.

* * *

Большому веку современен —
как я не вывихнул мозги?
Смотрите: Сталин, Гитлер, Ленин
и много чёрной мелюзги.

* * *

Я благонаравием не был отмечен,
есть на мне тёмные пятна;
в мой догорающий старческий вечер
вспомнить их очень приятно.

* * *

Когда умру — привет народу,
своими занятому бедами;
а про заветную свободу
споёт им бард, пока неведомый.

* * *

Прошли естественные сроки
писательского ремесла,
а я слова в тугие строки
вяжу с упрямостью осла.

ПОСЛЕДНИЙ ИЕРУСАЛИМСКИЙ ДНЕВНИК

---

* * *

С началом горячей и влажной весны
вся жизнь облекается песней;
у вдов и невест одинаковы сны,
однако у вдов — интересней.

* * *

Навряд ли польза есть в житейском опыте,
когда он весь — из грязи и из копоти.

* * *

Весьма достойна сожаления
и восхищает нас немерено
та часть земного населения,
которая во всём уверена.

* * *

Наша старость протекает без надрывов,
тихоструен весь поток последних лет:
нету замыслов, мечтаний и порывов,
даже просто и желаний тоже нет.

* * *

Какой-нибудь идеи дуновение
едва только повеет над окрестностью,
немедленно родится вдохновение
у бездари, измученной безвестностью.

* * *

Таким я вовсе не был смолоду,
но не воротишь годы вспять:
с утра лениво глажу бороду,
после чего ложусь доспать.

* * *

Наблюдаю много лет я борьбу и гонки,
у меня вопросы есть, далеко не праздные:
знают ли мерзавцы, что они подонки,
что о себе думают негодяи разные?

* * *

Азарт познания угас,
но я ещё живу;
уныло щиплет конь Пегас
пожухлую траву.

ПОСЛЕДНИЙ ИЕРУСАЛИМСКИЙ ДНЕВНИК

---

* * *

Мне кажется, во мне с рождения,
и горячась в иные дни,
дурные жили побуждения.
Но нынче померли они.

* * *

О чём туманно грезят старики,
когда уже не светит ничего?
Что мерзкому дряхленью вопреки
они ещё поскачут о-го-го,

* * *

Я выгорел внутри почти дотла,
остался лишь заброшенный подвал,
и нет уже душевного тепла,
которое я раньше раздавал.

* * *

Хоть не встречал я привидений
за годы долгие, что прожил,
боюсь я призраков и теней,
хотя я их не видел тоже.

* * *

Со спорщиками раньше был я дружен,
а нынче — молчаливый инвалид:
мой умственный желудок перегружен,
мыслительный запор меня томит.

* * *

Легко, вольясь в людскую реку,
прильнуть к дыханию угарному;
уютна стадность человеку,
особенно — лицу бездарному.

* * *

Кто в суете и круговерти
без мельтешенья жить не может —
наверно, он и после смерти
чертей в аду собой тревожит.

* * *

То хлипких знаний фанаберия,
то чувства жизни торжество;
как совместить, что в Бога верю я,
но думаю, что нет Его?

ПОСЛЕДНИЙ ИЕРУСАЛИМСКИЙ ДНЕВНИК

---

* * *

Когда гнетёт меня печаль
и настроение недужное,
беру стакан, но лью не чай,
а нечто более мне нужное.

* * *

В Австралии резвятся кенгуру,
на севере медведи ищут мёд,
а мне никак сегодня поутру
лень вязкая подняться не даёт.

* * *

Младенцем сосал материнскую грудь
и рад был пелёнкам сухим,
и вовсе не думал, что жизненный путь
окажется долгим таким.

* * *

Я прошлые не помню склонности,
в былом поддержку не ищу;
о состоянии влюблённости
я только изредка грущу.

* * *

Навряд ли мои предки унывали
в заполненные хлопотами дни;
я думаю, в местечках торговали
мечтами и надеждами они.

* * *

Когда совсем удача рядом,
и надо чуть ещё сноровки,
то ухватить полезно взглядом,
не сыр ли это в мышеловке.

* * *

Всё как-то стало безотрадно,
свихнулась жизненная ось;
живи я стайно или стадно —
гораздо легче мне б жилось.

* * *

Дымит завод. Растут дома.
Свет побуждает к жизни тьму.
Мир не сошёл ещё с ума,
но явно движется к тому.

ПОСЛЕДНИЙ ИЕРУСАЛИМСКИЙ ДНЕВНИК

---

* * *

Я наделён образованием
и грустью о его излишности,
что служит веским основанием
глухого чувства никудышности.

* * *

Я был бы просто подлецом,
не огласив уведомления,
что мерзок вложенный Творцом
наш дар взаимоистребления.

* * *

Я многое чего не докумекал,
сейчас уже закрыта эта дверь;
но много понял я про человека,
и горестно душе моей теперь.

* * *

Меня пугали хулиганами,
антисемитами, чекистами,
ворами, жуликами, пьяными,
и даже силами нечистыми.
А я — гулял.

* * *

Изрядно самогоном обожжённая,
и спиртом — я его не разбавляю,
вся глотка у меня уже лужёная,
но я её и дальше закаляю.

* * *

Я только сейчас, к исходу века
трезво начал думать головой:
изо всех инстинктов человека
всё же самый главный — пищевой.

* * *

Я рад был видеть: напрочь разные
умом, характером и опытом,
евреи, праздник жизни празднуя,
здесь на клочке собрались крохотном.

* * *

Не путай службу и служение:
служение — всегда вериги,
а служба любит продвижение
и пишет нравственные книги.

ПОСЛЕДНИЙ ИЕРУСАЛИМСКИЙ ДНЕВНИК

---

* * *

И я когда-то был учащимся,
как все ровесники мои,
а нынче все мы тихо тащимся
с телегой собственной семьи.

* * *

Есть за всё в этой жизни расплата,
вот кончается срок мой земной,
над людьми я смеялся когда-то,
нынче время шутить надо мной.

* * *

Сижу внутри квартиры у дверей.
В пивную в это время шёл я встарь.
Но вирус там гуляет — как еврей,
продавший прошлогодний календарь.

* * *

Восторженность ко мне приходит редко,
и счастьем искажается лицо,
я радуюсь восторгу, как наседка,
благополучно снёсшая яйцо.

* * *

Увы, по мере пробуждения —
а сны мне дарят утешение —
во мне растёт предубеждение
против земного мельтешения.

* * *

Какую-то крошку тащил муравей,
и груз был тяжёл малышу;
и стало смешно мне: я старый еврей,
но тоже продукты ношу.

* * *

По возрасту давно бы мне пора
уже утихомириться, наверно,
но жизни ежедневная игра
по-прежнему влечёт меня безмерно.

* * *

Зря иные кипят в беспокойстве,
не желая понять соответственно:
неисправности в нашем устройстве
нарастают с годами естественно.

ПОСЛЕДНИЙ ИЕРУСАЛИМСКИЙ ДНЕВНИК

---

* * *

Уже я в жаркий перепляс
не кинусь в бурном хороводе:
года своё берут у нас —
дряхлеешь даже на свободе.

* * *

Нет, на Творца я не в обиде,
что так судьбу мне предназначил:
я столько всякого увидел,
что жил бы хуже я иначе.

* * *

Время нынче катится безумное,
сдвинулась какая-то основа,
в наше благоденствие бездумное
льются звуки хаоса земного.

* * *

На свете есть такое вещество —
звучит оно ругательством в народе;
я не люблю любое большинство:
в нём это вещество бурлит и бродит.

* * *

Когда уйду я в царство теней,
примусь, наверно, я роптать,
что нет у теней сновидений,
а мне их будет не хватать.

* * *

Ненужное милее мне, чем нужное,
притом руковожусь я вкусом личным;
пристрастие моё, корысти чуждое,
и сделало наш дом таким отличным.

* * *

Срок земной не знает замедления,
и замедлить старость нету средства;
скоро я достигну просветления
и впаду в задумчивое детство.

* * *

Всякое моё изображение,
как и лично я в оригинале,
в женщинах будить воображение
может, к сожалению, едва ли.